

Томская епархия Русской Православной Церкви
Администрация Томской области
Мэрия г. Томска
Совет ректоров вузов г. Томска
Институт развития образовательных систем РАО
Томский Областной Институт ПКРО

*Православные
духовно-нравственные идеалы
и традиции –
опора российского общества
и государственности*

Материалы XXIV Духовно-исторических чтений
памяти святых равноапостольных
Кирилла и Мефодия

*700-летию
Преподобного Сергия Радонежского
посвящается*

Томск
2015

РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

«СВЯТАЯ РУСЬ» КАК КОНЦЕПТ И ИДЕЯ ПЕРЕЛОМНЫХ ПЕРИОДОВ

Щербинин А.И., Щербинина Н.Г.

Томский государственный университет

В моменты глубоких переломов, развилок исторического развития, неочевидного будущего возникает потребность не только в поиске идентичности, но и предельных для нее оснований, разделяемых (или могущих стать таковыми) большинством в данном обществе. Они кроются в скомбинированных с большей или меньшей достоверностью фрагментах истории, приправленных мифами, принимаемыми на веру. Аналогично образу прошлого это может быть и образ коллективного будущего, конструируемый властью или ее идеологическими агентами (от публичных политиков до писателей, режиссеров, художников, артистов). С целью выработки коллективной идентичности используются и пространственные координаты: локальные «маяки» – места памяти, святые места – или тотальные, как, например, Родина – это субъективированное и нагруженное смыслами и ценностями пространство страны. Очевидно, если говорить языком маркетинга, «спрос» общества на подобные ценности не всегда одинаков. Впрочем, не всегда на одинаковом уровне остается и «предложение». Нередко проповедуемый властью и ее агентами патриотизм выглядит устаревшим товаром, оставшимся от прошлых сезонов. Напротив, в переломные моменты, один из которых мы сегодня переживаем, значительная часть общества ищет отклика на свои догадки, ожидания, потребности. И здесь само по себе граждански-сакральное понятие «Родина» наделяется предельными ценностными характеристиками, а зачастую и идеализируется, вплоть до святости.

Появление подобных характеристик в последнее время наталкивает на необходимость осмысления такого конструкта как «святая Русь». Само по себе обращение к данной формуле не является новым для отечественных исследователей, особенно в области древнерусской филологии, философии, богословия и культуры. Это работы В.В. Зеньковского, В.Н. Топорова, В.В. Колесова и др. Все они, так или иначе, относятся к изысканиям в области литературных памятников русского средневековья и, как водится, опираются на поиски кор-

ней (вплоть до индоевропейского праязыка в работе Э. Бенвениста) слова «святость», сравнительно-лингвистические исследования [1].

В.В. Зеньковский обращает наше внимание, что поиски священных оснований царской власти, отлившиеся в формулу «Москва – Третий Рим» обнаруживают потребность сочетать небесное и земное, страстную жажду «приблизиться к воплощению Царствия Божия на земле». Искали Святую Русь не только власть и ее идеологи, но и юродивые, видевшие неправды действительности [2, с. 41, 43]. Колесов подчеркивает, что в момент появления народных представлений и фольклора о «светорусье» Московское государство было изолированным образованием. Суть данной оговорки связана с тем, что в русском языке «свят» и «свет» фактически один корень (на что указывают Бенвенист, Топоров и др.). Поэтому для русского человека той эпохи Русь это «белый свет», который кончается на ее рубежах. И неудивительно, что «светорусье» превращается в «святорусье» [3, с. 236]. Но вряд ли мы можем поставить точку в вопросе востребованности концепта и ценностей «Святой Руси» без отсылки на русскую церковную традицию: концептуальное «Слово о законе и благодати» Илариона, поставившее Русь в ряд христианских, а, следовательно, святых земель; проект Нового Иерусалима патриарха Никона, других феноменов и явлений русской духовной и политической культуры.

Наиболее полно определил суть данного феномена В. Топоров, считающий «Святой Русью» тот остаток нашей долгой и трудной истории в виде великих духовных ценностей: святых людей, святого слова, святых образов-образов (икон), верности святости, устремленности к будущему, мыслимому как святость. Под «Святой Русью» не следует понимать некий фантом или инструмент власти в ее имперском противостоянии остальному миру. Святая Русь не отменяет святости других народов. Чем озабочена Святая Русь, так это проблемой разделения [4, с. 12-14] или, добавим от себя, раскола по Ахизеру.

В нынешней политической ситуации надо внимательно всмотреться в подобные ценности. Дело это сложное и стоит усомниться в правомерности использования данного концепта А. Прохановым [5]. Его расширенная трактовка, включающая без остатка всех акторов нашей истории, от преподобного Сергия Радонежского и Троицы Андрея Рублева до современного Крыма, до Новороссии. Последняя преподносится как икона, как «наш храм и наше будущее». Очевидно, что подобное квазипоэтическое использование концепта в идеологических целях фактически стоит вне традиции понимания Святой Руси. Беглый количественный контент анализ статьи показывает, что на четырех страницах прохановских «Глаголов» их находится около пятнадцати. «Святая Русь» обнаруживается им в самых подчас неожиданных

местах: в картине Петрова-Водкина «Красный конь», в революционном отряде блоковских «Двенадцати», в празднике Победы, и победы в Крыму год назад. Признавая русский народ богоизбранным, автор признает, что в нашей истории были «черные дыры», но выход из них это опять же мироустройство Святой Руси. Что касается вольного обращения с богословским, да и культуроведческим пониманием иконы, то метафоричность заводит Проханова на грань кощунства, когда он пишет о том, что «русское оружие – это стреляющая икона» [5, с. 5].

С середины IX века (II Никейский собор, патриарх Никифор, Фёдор Студит) в православной традиции вольная трактовка сущности иконы как зависящей от воображения неприемлема. Образ/икона это «вечный текст» напрямую, обращающийся к разуму верующих, являющийся совечным вечному первообразу Христа [6, с. 61-64]. Максим Исповедник отвечает в катехистической манере на поставленный им же вопрос: «Как созданное по образу возвращается к образу, как почитается Первообраз, в чем сила нашего спасения и ради чего Христос умер?» [7, с. 34-37]. Когда Проханов пишет, что солдат, получающий в руки оружие, на него молится, «прижимает к нему свои уста, идет с ним в бой» [5, с. 5], здесь, на наш взгляд, даже самая распознательная метафористика, самое неукротимое желание «глаголом жечь сердца людей» не имеет ни малейшего права приравнивать оружие к образам, а равно, что касается общей темы нашего выступления, вольно выходить за рамки принятой трактовки Святой Руси.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М.: Прогресс – Универс, 1995.
2. Зеньковский В.В. История русской философии. Т. 1, Ч.1. Л.: «ЭГО», 1991.
3. Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. СПб.: Филологич. ф-т С.-Петерб. гос.ун-та, 2000.
4. Топоров В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Т. 1. Первый век христианства на Руси. М.: «Гнозис» – Школа «Языки русской культуры», 1995.
5. Проханов А. Глаголы Русской жизни // Изборский клуб: русские стратегии. 2015. №1 (25).
6. Барбу Д. Византийский образ: создание и способы использования// Анналы на рубеже веков: Антология. / Ред А.Я. Гуревич. М.: «XXI век: Согласие», 2002.
7. Живов В.М. Разыскания в области истории и предьстории русской культуры. М.: Языки славянской культуры, 2002.